

Ж. -М. Бертело

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕЗЕНТАЦИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ВЫПУСКА
«СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ»
«ЖУРНАЛА СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»¹**

Уважаемый господин консул!

Господин советник по культуре!

Господин декан!

Госпожа директор Французского университетского колледжа!

Дорогие коллеги! Друзья!

С глубоким волнением я выступаю сегодня перед вами. Прежде всего я должен поблагодарить тех, без чьего участия эта встреча не состоялась бы — в первую очередь, Каролин Дюфи, директора Французского университетского колледжа и Владимира Козловского, главного редактора журнала «Социологии и социальной антропологии», а также Министерство иностранных дел Франции, которое шаг за шагом поддерживало эту инициативу, включив ее в издательскую программу «Пушкин» и обеспечив мое сегодняшнее приезд.

Однако я здесь не только для того, чтобы выразить благодарность, хотя все мы понимаем ее важность и цену — как для жизни социальной, так и для собственного удовлетворения. Я хотел бы не только приветствовать академическое сотрудничество, что само по себе достаточно банально, хотя в этой форме и в этом контексте оно отчасти казалось невозможным. Пусть мне позволят добавить последний штрих к благодарности, адресовав ее французским авторам, которые не колеблясь мобилизовали свои силы и милостиво вняли моей устрашающей просьбе, а также русским переводчикам, которые смогли в очень ограниченное время приспособиться к стилю и формам выражения 20 разных авторов. Нет, моя цель будет иной: как эта презентация современной французской социологии в новом русском журнале участвует в общей задаче, которая стоит не только перед русской социологией, но и перед международной социологией в целом. Я определил бы эту задачу просто: мыслить становящийся мир, мыслить свою собственную мысль об этом мире.

Я хотел бы развить два эти момента (вкратце, разумеется) и вписать очерченный здесь диалог между французской и русской социологией в сконструированное таким образом пространство.

¹ Презентация специального выпуска «Современная французская социология» «Журнала социологии и социальной антропологии» (1999. Том II. Спецвыпуск) и параллельно изданной во Франции книги «La sociologie française contemporaine» (Paris, 2000) состоялась 16 февраля 2000 г. на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

I

Мир, как известно, испытывает на наших глазах глубокие трансформации. Некогда мы верили в то, что можем предсказывать их — сегодня мир принадлежит модерну, некоторые сказали бы — постмодерну, главная черта которого — неопределенность. Мы почти не знаем, каким будет завтра, и наша, унаследованная от эпохи Просвещения, вера в постоянный прогресс человечества была значительно подорвана в XX веке, привив нам, как хотелось бы надеяться, добродетель скромности. Однако это не заставляет нас опустить руки, но требует сменить великие пророческие порывы страстью и строгостью анализа. Мир изменяется на наших глазах — разумеется — но как? По каким глубинным линиям? Какие актеры, какие социальные силы являются в нем носителями инноваций? Какие институты, какие структуры, гарантирующие равновесие, какие представления, мыслительные системы являются инструментами понимания и действия?

Все эти вопросы и многие другие бросают социологам обновленный и усложненный вызов, который сам по себе, конечно, не нов — с ним столкнулись еще основатели дисциплины, если верить исследованию Нисбета, посвященному социологической традиции.

Необходимо, прежде всего, чтобы каждый мыслил свое собственное общество: французский социолог — французское, русский — русское. Каждое общество является результатом единичной истории, и даже когда пытались стереть прошлое — и Франция, и Россия разделяли, с разрывом в век, эту общую иллюзию абсолютного радикализма — она продолжала просачиваться сквозь тысячу пор социальной ткани и оказывать влияние на будущее развитие.

Единичная социальная конструкция, общество — и в этом состоит одно из главных обретений социологии XX века — не может быть понято без вопрошания социального как такового, этой основополагающей связи, которая заставляет вещи держаться вместе, не дает умирать обществу — если только оно не разрушается полностью, но трансформируется, обновляется, утверждает свое постоянство в солидарности и рутине повседневной жизни.

Нельзя впадать в натуралистскую и эволюционистскую иллюзию биологических видов, продолжающих свое существование в некоем слепом движении — напротив, нужно вопрошать ту или иную социальную конструкцию и одновременно сами основания социального. Это составляет первую задачу.

Эта задача сопровождается ситуацией, в которой общества могут и должны быть проанализированы на различных уровнях, согласно комплексной шкале, простирающейся от локальных специфических и единичных ситуаций до последнего уровня квазиобщества-мира. То, что сегодня называют глобализацией или мондиализацией, означает не только новое экономическое пространство. Это отсылает поверх традиционных национальных рамок развития обществ к другим уровням, которые не просто накладываются на национальный уровень (подобно континентальным или мировым институтам), но взаимодействуют с низшими уровнями, навязывают им свою норму, производят в них глубинные трансформации. Когда одинаковые компьютерные стандарты связывают самые дальние точки планеты, когда по всему миру демонстрируются одни и те же «Звездные войны» и сомнительные подвиги Терминатора, когда каждый, нахо-

дясь в любой точке Земли, в уютном мире своей квартиры, может следить за одним и тем же спортивным зрелищем, можно утверждать, что общество-мир более является не абстрактным горизонтом или далекой утопией, но повседневным, привычным, интимным невидимым присутствием.

Именно в общем движении нужно мыслить сегодня глобальное, специфическое и фундаментальное. В этом предприятии каждая социология нуждается во всех других, поскольку каждая способна привнести знание того, каким образом преломляется и одновременно конструируется общее посредством единичного.

I

Эта взаимная потребность может показаться само собой разумеющейся, во всяком случае, быть «политически корректной». Между тем, она удивительна. Если социология — это наука, если она претендует на изучение не просто того или иного общества, а социального как такового, то совершенно не важно, французская она, американская или русская. Главное, чтобы она была точной. Другие социальные науки — экономика, демография, социальная психология, лингвистика — ставят проблемы в этих терминах: наука призвана создавать модели и подвергать их фактической проверке. Национальный контекст для нее вторичен и случаен.

Рассматривая это возражение, впрочем, совершенно обоснованное, мы касаемся двух фундаментальных проблем — проблемы эпистемологического статуса социологии как общей дисциплины, с одной стороны, и как дисциплины, укорененной в национальных традициях, с другой.

Среди социальных наук социология занимает особое положение. Среди своих сестер — экономики, антропологии, политологии, социальной психологии, демографии — она единственная не разделяет социальное, чтобы сконструировать свой объект. Она принимает, независимо от ведущей точки зрения, требование мыслить общество в его целостности, как «тотальный социальный феномен», если прибегнуть к любимому выражению М. Мосса, крупного французского социолога начала века и племянника Дюркгейма.

Эта позиция придает социологии парадоксальный статус: наука о социальном в его целостности, социология могла бы претендовать на роль социальной науки *par excellence* и осенить своим авторитетом другие дисциплины. В этом состояла точка зрения Дюркгейма, которую в социологической традиции иногда называют социологизмом. Но парадоксальным образом эта наука наук одновременно является и наиболее уязвимой. Изолировать часть социального — такую, как язык, экономика, движение населения — означает построить объект, способный быть отвлеченным от своего национального контекста: функционирование рынка, которое описывает неоклассическая экономика, вводит национальный контекст лишь на уровне вторичных переменных, способных оказывать влияние на фундаментальные, универсальные механизмы. Лингвистика различает изучение языка как системы двойной связи и описание отдельных языков. Демография устанавливает регулярные закономерности, которые принадлежат не данному обществу, но определенному состоянию социоэкономического развития и делает возможной выработку глобальной модели, как, например, модель «демографического перехода».

Социология, напротив, всегда сталкивается с преломлением общего, которое она может установить в единичности и комплексности социоэкономических ситуаций: Макс Вебер, основатель немецкой социологии, столь часто противопоставляемый Дюркгейму, прекрасно это понимал, заявляя, что, установление законов социологии никогда не является целью, но лишь средством понять включенность общего в единичность специфичного.

Отсюда более понятно наше утверждение: каждая социология нуждается во всех других, поскольку каждая одновременно связана с общим (что позволяет ей сообщаться с другими) и включена в специфичное. Этот фундаментальный эпистемологический статус объясняет «национальное» измерение социологии, отвергая возможные националистские коннотации. Социология может считаться такой же наукой, как другие, в той мере, в какой она интернациональна.

Глобализация, которую я считаю необходимым фоном нашей социологической работы, касается не только эволюции обществ и растущей транснациональной интеграции деятельности. В отношении научной работы она разворачивается в постоянных международных обменах, которые неразрывно связаны с самой конституцией научных дисциплин: достаточно вспомнить античную греческую науку, наследницу ближневосточного знания, средневековую арабскую науку, продолжение греческой науки, или классическую физику, безразличную к границам европейских национальных государств. Современная социология не избежала этого движения, с самого начала она умножала международные контакты. Русские социологи приезжали во Францию, Дюркгейм вел полемику с Зиммелем. Ранее, несмотря на напряженные отношения между Францией и Германией в конце XIX века, Дюркгейм, а затем Бугле, один из его учеников, вели научную работу по другую сторону Рейна. До 1914 г. молодые чикагские социологи пересекают Атлантику, чтобы учиться у Зиммеля. После 1945 г. молодые французские социологи совершают обратное движение и едут изучать технику социологического анализа в США. Эмиграция также послужила этому движению, и Россия дала Франции и Соединенным Штатам виднейших социологов — Гурвича и Сорокина.

Эти движения, которые символизируют фигуры известных социологов, могут показаться поверхностными, но они являются лишь видимой частью многочисленных контактов, посредством которых создавалась социология XX века. Между тем, обмены, влияния, передача техник, проблематики и парадигм всегда осуществлялись внутри национальных рамок размышления и деятельности. Они прививались к местным традициям и проблемам, которые оказывали на них влияние и изменяли их. Национальные социологии, таким образом, представляют собой сегодня некое смешение — каждая в своем ритме, согласно своей истории и своим мыслительным рамкам ассимилировала и преобразовала часть наследия других.

Между тем, это движение осуществлялось неравным образом, подчиняясь историческому развитию обществ и внутри них — развитию социальных наук. Оно было не только благотворительным, воодушевляемым единственным стремлением к распространению знаний. Оно испытывает и продолжает испытывать соблазн и риск гегемонии одного языка, одной страны, одной культуры. Оно требует большего диалога и широкого противостояния, выработанного под знаком плюрализма традиций, подходов и языков.

III

Параллельно процессу глобализации, вопрос об отношениях между французской и русской социологией вырабатывается как раз на основе этого статуса и этого комплексного построения современной социологии.

В этом отношении позвольте мне в заключение наметить два вопроса. Что может дать французская социология русской и что может дать русская социология французской? Кроме знаменитых авторов (Жорж Баландые, Пьер Бурдые, Раймон Будон, Ален Турен), течения которых наряду с другими широко представлены в специальном номере журнала, специфика французской социологии выражается в трех чертах.

Эпистемологическое сознание и авторефлексивность: французская социология постоянно вопрошает о своих приемах и формах мысли и методах, стремясь эпистемологически их обосновать и никогда не уступать простоте технизма. В частности, она постоянно противостоит разделению между теоретическим размышлением и эмпирическим исследованием. В отличие от немецкой и американской социологий, которые довольно часто разделяют эти области, она применяет, иногда не ведая того, дюркгеймовскую точку зрения, согласно которой социальное познается не при помощи идей, но при помощи фактов. И наоборот, если она использует известные техники опросов и анализа, она отказывается от всякой искусственности, от всякого подчинения грубым фактам. Мыслить мысль о социальном — это линия, которая пронизывает всю ее историю и все ее течения.

Свобода: социология — это множественная дисциплина, в которой совмещаются различные подходы, языки и парадигмы. Во Франции они развертываются полностью в сосуществовании иногда несколько анархическом, но всегда стимулирующем и эвристическом. Даже если это разнообразие не лишено конфликтов и противостояния, даже если часто присутствует отвратительная практика игнорирования противоположной точки зрения, общий взгляд на ее функционирование показывает, что французская социология является открытым и множественным пространством, где лучшие стремятся к торжеству правила аргументированного обмена.

Рамки размышления, альтернативные или дополнительные темы, которые развиваются в других социологиях — как среди крупных конститутивных течений современной французской социологии, так и среди ее различных полей. В этом отношении такие авторы, как Бурдые, Турен или Морен, привносят ориентации, которые нельзя найти в других течениях международной социологии.

Что может, напротив, ожидать французская социология от русской?

Как мне кажется, анализ общества, особенно интересного:

- спецификой своего масштаба и сложностью, которую он привносит;
- спецификой конструирования этого общества и его исторического опыта, отмеченного переходом от царизма к социализму без настоящего промежуточного буржуазного и капиталистического периода и болезненным и длительным переходом от социализма к тоталитаризму;
- новизной и трудностями посттоталитарного перехода к демократии.

Этот анализ, который могут провести только российские социологи и социологи бывших социалистических стран, направлен не только на то, чтобы про-

яснить смысл определенного исторического периода, понять конкретное общество в период трансформации; он должен также сделать возможным проверку моделей и теорий, выработанных международной социологией и внутри нее — французской социологией. С этой точки зрения то, что можно ожидать от русской социологии, и то, что, как мне кажется, она делает, — это освоение наследия международной социологии, его переработка на основе ее собственных задач и традиций и восстановление этого наследия для социологического сообщества в обогащенном и очищенном виде. То, что французская социология в этом предприятии может стать для нее ресурсом и поддержкой — это желание, которое мы все можем разделить.

Такова, как мне кажется, задача и ставка этого проекта. В заключение я хотел бы подчеркнуть то, насколько активно французские университетские коллеги участвуют в этом проекте и обогащают его в перспективе. Наше самое искреннее желание состоит в том, чтобы благодаря стипендиям, присуждаемым лучшим студентам, родилось новое поколение русских социологов, получивших образование в двух культурах и в двух научных традициях, разрабатывающих их диалог.

Дамы и господа! Дорогие коллеги! Я хотел бы поблагодарить вас за внимание и повторить еще раз слова искренней признательности всем тем, кто на различных уровнях сделал возможным осуществление этого замысла.

Перевод с французского А. В. Тавровского